

НА ДАЛЬНЕМ РАЗЪЕЗДЕ

Дорогой Чингиз, кроме того, что я хочу тебя поздравить с наступившим новым, 1981 годом, у меня еще есть к тебе одно неотложное дело души. А так как это дело касается не только тебя и меня, а всех людей, которым свойственно умение прислушиваться к ветру времени, я пишу это открытое письмо.

В эти зимние дни я закончил чтение опубликованного в журнале «Новый мир» твоего романа «И дольше века длится день». Я переполнен нахлынувшими на меня чувствами, вызванными беспокойством твоего духовного мира, благородством его совести на перекрестке беспощадной встречи прошлого с грядущим.

Я читал страницу за страницей, и, по мере того как передо мной раскрывались глубины человеческой трагедии в романе, возрастала моя радость за тебя как за художника, коснувшегося своим бескомпромиссным творчеством самых сокровенных страстей современного человека и переболтанной реактивными скоростями атмосферы его времени.

Я должен сказать, что правда трагедии жизни в твоём романе высока. Она касается всей нашей прародительницы земли целиком и каждой сущей жизни на ней.

Ты взял эпиграфом к роману две строки из «Книги скорби» Григора Нарекаци — великого армянского поэта-бунтаря, жившего в X веке и умевшего разговаривать и спорить с самим богом без переводчика. Я догадываюсь, что тебе подарил эту книгу прекрасный знаток армянской литературы — поэт и ученый, понимающий связь времен человек — Левон Мкртчян, догадываюсь, потому что он мне тоже в свое время подарил эту книгу, и на такой подарок, кроме него, никто на свете не способен.

И книга эта — вместо
моего тела,
И слово это — вместо
души моей...

Именно эти слова, которые ты поставил эпиграфом к своему роману, могут одинаково точно предварять твой роман «И дольше века длится день» и «Книгу скорби» самого Григора Нарекаци, потому что обе эти книги продиктованы одной заботой, одним беспокойством.

Я понимаю: книга потребовала напряжения и отдачи всей энергии души и тела. И ты сейчас опустошен. Но это великое опустошение — нача-

жестью земля, в прошлом и будущем населяющих ее людей, и он, Едигей, незаметно и естественно справляется с этой своей обязанностью.

Он верен в деле и в слове.
Он естествен в почали и радости.
Он трогателен в любви и нежности.
Он мудр извечной мудростью корней своего народа.
Он всрчит мне, и я верю ему.

Открытое письмо Чингизу Айтматову

ло более высокой наполненности, потому что родник, дающий благо и добро, иссякает вовеки.

Я еще до сих пор по воле твоего творческого прозрения живу на далеком разъезде Боранлы-Буранном, в краю великих пустынных пространств Сары-Озек в Серединных землях желтых степей, и бесконечные поезда тревог идут через мое сердце с запада на восток и с востока на запад. Я живу на этом разъезде и останусь здесь уже навсегда, потому что ты этот разъезд силой дарованного тебе таланта сделал центром мира, центром внимания человечества и каждого человека, живущего на земле.

Я до сих пор живу и уже навсегда останусь жить на твоём разъезде Боранлы-Буранном и подозреваю, не я первый, не я последний буду оставаться на этом разъезде, буду пить глубинную воду ее прозрения. Не беспокойся — благородной влаги из ее глубин хватит всем желяющим, а перенесение не страшно: места на разъезде достаточно.

Знаешь, Чингиз, что твой Едигей Буранный — мой ровесник и брат по солдатской судьбе. На нем держится роман, на его плечах, как на плечах Атланта, лежит всей тя-

Вот в чем дело, Чингиз. Вот ведь почему я пишу тебе это открытое письмо для всех. Мне уже не прожить без твоего Едигея, и ему без меня.

Вместе с твоим Едигеем я возвращался с великой войны, вместе с ним ловил я для его жены Укубалы в осеннем Аральском море сказочную рыбину — золотого мекре, вместе встречал и провожал поезда, расчищал пути от заносов, вместе с ним проклинал кречетоголазого Тансыкбаева, растоптавшего любовь Абуталипа и Зарипы. Через твоего Едигея, Чингиз, я познакомился с душой и жизнью целого народа. Через него мне и ты сам стал еще необходимее и дороже, и не стыдно в открытую признаться в этой любви кое-чего выдавшего и пережившего человека.

Стоит мне раскрыть глаза, и я уже вместе с твоим Едигеем расквашиваюсь на царственных горбах Буранного Каранара и иду по пустынным увалам к древнему кладбищу Ана-Бейит во главе печальной процессии, и белохвостый коршун парит над нашей печалью и связывает незримую нитью отчужденности судеб, человеческих страстей со страстями Вселенной...

Твоя книга наполнена живыми подробностями жизни, ме-

дом и их полойной горечью. Я плакал, Чингиз, над прекрасной любовью Раймалы-ага и юной Бегимай, и над страшным горем Найман-ана, погибшей от руки своего сына, которого жестокие жуаны превратили в манкурта, человека без памяти.

Ритм твоей книги основателен, как бег царственного Буранного Каранара. Я смотрю на затылок впереди меня сидящего между верблюдными горбами Едигея. Я знаю: он сейчас подыдет к забору, который остановит Буранного Каранара — ведь кладбище Ана-Бейит больше не существует...

Но Едигей знает, что без прошлого нет будущего.

И он, верный этой своей мудрости, начинает прошлое на новом месте.

Он связывает времена своей судьбой на похоронах своего друга Казангапа и держит их. В этом его сила, в этом сила твоей книги, Чингиз. Твоя книга, думаю я, отличается особой наполненностью. В ней нет пустот. Поэтому читать ее вопреки бешеному полету времени надо медленно. Она благородна и беспокойна, твоя книга, великой любовью и сочувствием, продиктована мужеством и мудростью. /

О книге твоей будут еще говорить и спорить читатели, о ней будут писать критики, ты задел им работы. Может быть, не все еще в романе отшлифовано и завершено — ведь ты представил нам журнальный вариант. Но я не критик, я читатель, влюбленный в твое слово истинного художника.

Тревожные дни зимнего солнцеворота позади. И моя душа над твоей книгой, Чингиз, повернула необратимо к весне.

Спасибо тебе за это.
Будь.

Твой
Михаил ДУДИН.
ЛЕНИНГРАД.